

верного и центрального, так и южного диалектов. В. В. Быконя (Томск) рассматривала южноселькупские числительные в аспекте их склонения, деривации и синтаксических функций. Внимание слушателей привлекли своеобразные модели образования селькупских числительных, по поводу которых задавалось много вопросов. Е. И. Мартынова (Новосибирск) посвятила свой доклад селькупским временным конструкциям. Она разделила их на аналитические и синтетические, отметив и наличие аналитико-синтетического подтипа. Эрика Беккер (Томск) представила обзор падежных форм существительного в южных диалектах селькупского языка. В отдельных диалектах встречается здесь 11—15 продуктивных падежей, кроме того, еще и непродуктивные. Наблюдается процесс образования новых падежных форм, а также кетское, русское и тюркское влияние. Ирина Сорокина (Ленинград) анализировала сложные лексические единицы в самодийских языках и распределила их на четыре группы: семификсация (с восемью структурными моделя-

ми), сложные слова с новым значением, фразы и сложные слова со значимыми компонентами. Мария Магдолна Татар (Осло) познакомила с некоторыми саяно-самодийскими этимологиями, в первую очередь — имен собственных.

Один из докладов на пленарном заседании 31 августа был посвящен самодийскому языкознанию в период 1960—1990 гг. Сделал его Аго Кюннап (Хельсинки—Тарту), представив собравшимся обзор исследования этих языков за 30 лет и охарактеризовав важнейшие из опубликованных за этот период работы. Он подчеркнул значение самоедологии для уралистики и то обстоятельство, что именно на основе данных самодийских языков в последнее время сделано особенно много для реконструкции уральского праязыка.

Необходимо отметить, что в работе конгресса не участвовали некоторые ведущие самоедологи, некоторые же выступили по иной, при этом частично, правда, общеуральской тематике.

АГО КЮННАП (Тарту—Хельсинки)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.2.24>

СЕМИНАР ПО ВОПРОСАМ ТЕРМИНОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

В последнюю неделю мая 1990 года литовские ортологи принимали у себя коллег из Латвии и Эстонии. Несмотря на ограничения, связанные с экономической блокадой, прием имел большой размах и был теплее, чем это удавалось нам и в более благоприятные времена. Речь идет об очередном мероприятии в серии семинаров по ортологии Прибалтийских стран. LU впервые обращается к такому семинару, а потому заглянем в прошлое, тем более что уже темы состоявшихся встреч говорят сами за себя: они свидетельствуют и о языковой политике как о временном фоне семинаров, и об интересах и пристрастиях ортологов — учредителей каждого из них.

До сих пор проведено семь теоретико-методических семинаров:

1976 г., Вильнюс, Теория и методика культуры речи;

1979 г., Таллинн, Роль теории в

практике развития терминологии и упорядочения литературных языков;

1981 г., Рига, Языковые контакты в аспекте культуры речи;

1983 г., Вильнюс, Научно-техническая революция и проблемы культуры языка науки и терминологии;

1985 г., Таллинн, Язык науки и техники в рамках литературного языка;

1987 г., Рига, Критерии нормативности в литературном языке и терминологии;

1990 г., Вильнюс, Государственный язык и нормализация языка.

Старая беда подобных мероприятий — стремление участников говорить обо всем, что их волнует в данный момент, но все же обозначенные тематикой контуры придавали каждому семинару свой особый облик.

Со времени проведения первого семинара прошло 15 лет — с тех пор

старшее поколение уже отошло от активной работы, среднее продолжает трудиться, на научную стезю вступает новое поколение ортологов. На семинарах разговор шел и о расцвете литовского, латышского и эстонского языкознания в советскую эпоху, и о плодотворном влиянии русского языка на языки младших братьев, и о преимуществах двуязычия, но все же делалось это не настолько рьяно, чтобы теперь со стыдом вспоминать свои выступления. Заслушались также поучительные доклады московских коллег — как дельные, так и наивно-элементарные, а иногда даже тяготеющие к абсурду. Накануне седьмого семинара обстоятельства сложились так, что Прибалтийские страны, очевидно, оказались не притягательными для коллег из России и других партнеров по социалистическому соревнованию из братских республик — литовцы, латыши и эстонцы на этот раз обсуждали свои проблемы между собой.

Литва, Латвия и Эстония приняли каждая Законы о языке, согласно которым в Литве государственным языком провозглашен литовский, в Латвии — латышский, в Эстонии — эстонский. За спиной первый год действия этих законов и приобретенный опыт говорит о том, что почти ничего не изменилось. Общественные комиссии по защите языка, призванные следить за исполнением закона, оказались не на высоте. Как в Вильнюсе и Риге, так и в Таллине ведутся поиски наиболее эффективных мер по применению Закона о языке, шел об этом разговор и на семинаре.

Первое из четырех заседаний семинара можно назвать посвященным языковой политике. Ни один из выступавших (С. Каралюнас, В. Скуня, М. Реммель, И. Друвиете, С. Кейнис, П. Кнюкшта) не смог не отметить то обстоятельство, что под маской языка межнационального общения русский язык на практике выполнял роль государственного языка и его плодотворное влияние означало собой колонизаторский натиск. Весьма вредным был и остается тезис, преувеличивающий значение русского народа как старшего брата. Большинство проживающих в Прибалтийских странах русских надеется, что языковая ситуация останется прежней и им как представи-

телям великой нации не придется утруждать себя изучением языка одного из малых народов. Советская социалингвистика всегда выступала обоснователем и теоретиком русификации.

Наибольший интерес у присутствовавших вызвал доклад М. Реммеля «Языковые права человека: родной язык, официальный язык и стандартизация языка», поскольку он дал представление о том, что происходит в мировой языковой политике, познакомил с ходом разработки Всеобщей декларации языковых прав человека группой экспертов ЮНЕСКО/ООН. Изоляция литовцев и латышей от Запада, оказалось, еще значительнее, чем у эстонцев. М. Реммель поднял вопрос и о договоре о языке между Прибалтийскими странами. Для этого необходимо выделить по крайней мере по три представителя от каждой страны для составления правил выбора языка общения Прибалтийских республик между собой. Подготовленные ими документы должны поступить на обсуждение и затем принятие соответствующего решения в президентский совет трех стран.

На втором заседании обсуждались общие принципы терминологии. Р. Куль говорил о том, что последовательная терминологическая работа является предпосылкой и основой развития литературного языка. Т. Леэметс рассказала о направлениях развития терминологии в Эстонской Республике и в современной Эстонии. Для автора этих заметок наиболее полезным оказался доклад руководителя группы терминологии Института литовского языка К. Гайвяниса о применении международных принципов упорядочения терминов в литовской терминологии. Заслуживает и нашего внимания его замечание о том, что литовской терминологии угрожает опасность остаться провинциальной. На протяжении многих лет в интересах самозащиты мы молча игнорировали координирующие указания Москвы (в том числе пресловутый принцип минимальных расхождений), но слишком мало занимались вопросом о том, как приспособить рекомендации международных терминологических организаций к национальным традициям. Иногда в практике возника-

ли даже коллизии (например, при упорядочении наименований птиц). К. Гайвянис не без грусти отметил, что теоретику — представителю малого народа трудно быть услышанным в мире и влиять на развитие общих принципов. Он говорил о созданных в середине 1920-х годов работах по терминологии литовского философа С. Шалкаускаса, которые опередили мировую терминологическую мысль, в том числе и работы классиков В. Вюстера, Э. Дрезена и Д. Лотте, созданные в 1930-е годы и позже.

Третье заседание было посвящено отдельным проблемам терминологии. Рассматривались самые разные вопросы: о латышской деловой речи (Р. Квашите), об эстонских терминологических словарях, в том числе словарях-разговорниках, в условиях применения Закона о языке (М. Раадик), об оценке синонимии при упорядочении литовской терминологии

(А. Каулакене), о латышских сложных терминах как эквивалентах русских дефисных сочетаний (В. Шулца). Если перечисленные темы представляли интерес для всех собравшихся, то доклад З. Икере «Лексико-семантические признаки латышской философской терминологии», по меньшей мере с точки зрения эстонцев, общих проблем не затрагивал.

Целью четвертого заседания было дать участникам представление о том, как организована практическая деятельность по культуре речи, что сделано в этом плане и что делается. О положении в Литве сообщили С. Кейнис и К. Гайвянис, в Латвии — В. Скуиня и И. Друвиете, в Эстонии — Т. Эрелт и Р. Кулл.

Участники оценили свою встречу как самую содержательную из состоявшихся и сочли необходимым продолжить серию этих семинаров.

ТИИУ ЭРЕЛТ (Таллинн)

КАРЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР В ХЕЛЬСИНКИ

С 3 по 5 октября 1990 года кафедра прибалтийско-финских языков Хельсинкского университета в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 350-летию университета, проводила карельский семинар. Созвать исследователей говоров тверских карелов в 1989 году планировал тогдашний лектор эстонского языка в Хельсинкском университете Тийт Куук. К настоящему времени автор этой идеи скончался. Сотрудники же кафедры прибалтийско-финских языков сочли, что ход событий в Карелии (КАССР) предопределил необходимость более широкого обсуждения карельской проблематики. Кроме финских ученых, в работе семинара участвовали пять петрозаводских исследователей из Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Из Эстонии в работе семинара принял участие автор этих строк.

Доклады семинара зачитывались 4 октября. Открыл заседание заведующий кафедрой прибалтийско-финских языков профессор Сеппо Сухонен.

Большой интерес вызвали доклады петрозаводцев, которые позволили надеяться, что время умалчиваний и иносказаний прошло.

Ученый секретарь петрозаводского института Людмила Маркианова рассказала о современном положении карельского языка — в политическом и социальном аспекте, с точки зрения развития культуры — в Карельской АССР.

Многие карелы к настоящему времени свой родной язык забыли, поскольку образование они получают на русском языке. Сейчас в Карелии проживают примерно 80 000 карелов (или 10% населения республики). За последние 50 лет ушли в небытие более двух тысяч карельских деревень и поселков. Лишь в трех районах республики доля карелов превышает 30% — это Олонецкий (65%), Пряжеский (40%) и Калевалаский (39%). Многие люди, владеющие карельским языком, не хотят (не осмеливаются) им пользоваться.

Л. Маркианова подчеркнула, что стремление карелов создать свои школы